

Г. С. Кнабе

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БИОГРАФИИ ТАЦИТА, CURSUS HONORUM

ТВОРЧЕСТВО древнеримских историков было неразрывно связано с их жизнью. Они предпочитали писать о событиях, которые сами пережили, и черпали в прошлом аргументы для споров, в которых сами участвовали¹. Чтобы понять их книги, поэтому надо хотя бы относительно полно представлять себе их биографию. Когда речь идет о Таците, требование это легче высказать, чем выполнить: прямые свидетельства скудны², косвенные подчас слишком неопределенны. Те и другие вместе дают лишь хронологическую основу жизнеописания. «Мы знаем основные даты, связанные с его жизнью и продвижением по службе, кроме даты смерти; зато отношения его с людьми и поступки нам неизвестны почти совсем»³. Соответственно авторы наиболее серьезных современных работ по Тациту обычно отказываются излагать его биографию в виде связного рассказа и ограничиваются разбором противоречивых данных по отдельным ее эпизодам.

Существуют по крайней мере три обстоятельства, которые могут если не приблизить наши представления о жизни Тацита к искомой полноте, то, во всяком случае, помочь сделать некоторые шаги в этом направлении. Во-первых, произведения историка освещают его жизнь не только благодаря содержащимся в них сведениям об авторе, его современниках и его эпохе; сама отразившаяся в книгах идейная позиция писателя обнаруживает его жизненную позицию и дает возможность судить о его общественном поведении, т. е. о характере и содержании его биографии. Так, известное свидетельство Тацита в «Истории» (I, 1, 3) об этапах его сенатской карьеры много раз привлекало внимание исследователей, стремившихся установить, какую именно магистратуру он занимал при каждом

¹ C i c., De leg. I, 2; I, 3, 8; De or. II, 12—14; Q u i n t., X, 1, 31—34 и 74; P l i n., Ep. V, 8, 12; VII, 19, 5; T a c., Ann. IV, 34. См. также С. Л. У т ч е н к о, Некоторые тенденции развития римской историографии, ВДИ, 1969, № 2, стр. 68; Г. А. М и к о л е ц к и й, Г. Л ю т ц, Ф. Э н г е л ь с - Я н о ш и, Биография и историческая наука (XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16—23 августа 1970 г.), М., 1970, стр. 2.

² Они исчерпываются пятью упоминаниями автобиографического характера в трудах самого историка (Agr. 9 и 45; Dial. 2; Hist. I, 1, 3; Ann. XI, 11), восемью письмами Плиния Младшего, содержащими отдельные сведения о жизни Тацита (I, 6; II, 1; IV, 13; VI, 16 и 20; VII, 20 и 33; IX, 10), и единственной надписью, где его имя читается ясно (OGIS, 487).

³ A. M i c h e l, Tacite et le destin de l'Empire, P., 1966, стр. 24; ср. Ph. F a b i a, La carrière sénatoriale de Tacite, «Journal des Savants», 1926, стр. 194.

из Флавиев; однако не меньшее, если не большее значение для его жизнеописания имеет проявившееся в этой фразе демонстративное нежелание автора затушевывать при Траяне свою связь с флавианством. Во-вторых, самые ограниченные биографические сведения могут дать гораздо больше, чем в них непосредственно заключено, если их рассматривать в просопографическом контексте. Тот факт, что имя Тацита упоминается в завещании консулярия Дасумия, сам по себе почти не имеет биографической ценности; он становится весьма существенным, если учесть, кто были остальные наследники⁴. Наконец, много дает исследователю сложившееся в последние десятилетия понимание биографии как общественного и культурного феномена, сущность которого состоит в том, что в нем как бы кристаллизуются, воплощаясь в конкретных формах отдельной человеческой судьбы, общие исторические закономерности и процессы⁵. Биографу, как и мемуаристу, чаще всего даны лишь разрозненные и неравноценные элементы прожитой жизни, но он может и должен «раскрыть в них латентную энергию исторических, философских, психологических обобщений. Он прокладывает дорогу от факта к его значению»⁶. Тацит появился на свет в семье прокуратора — биограф может и должен обнаружить, какую первостепенную роль сыграло в жизни историка это само по себе случайное обстоятельство.

В свете сказанного становится ясно, что биография римлянина — не нейтральная оболочка, не сосуд, заполняемый событиями времени, сменяющимися друг друга и уступающими в жизни личности место все новым и новым, а концентрированная и конкретная форма существования самого этого времени. Жизнь историка в Риме строилась как проекция в его существование узловых проблем эпохи, жизнеописание его представляет собой опыт последовательного их решения, а «биографический факт» выступает здесь всегда как теоретическая контрверза, историческая, социально-политическая, философская, предмет анализа и спора. Для жизни Тацита из таких ключевых спорных вопросов важнее других три: биографические основания принципа «sine ira et studio», Рим и провинции, датировка «Анналов». Ниже излагаются факты и соображения, связанные с первым из них, прежде всего — помогающие понять характер и смысл *cursus honorum* историка.

1. Социальное происхождение. *Industria ac vigor*

В своей «Естественной истории» Плиний упоминает о том, что он был знаком с семьей «римского всадника Корнелия Тацита, ведающего финансами Белгской Галлии» (Plin., N. h. VII, 76). Отмеченное здесь сочетание *poterit et cognomen* — Корнелий и Тацит — уникально, что издавна заставляло исследователей видеть в знакомце Плиния близкого родственника историка — его отца, а может быть дядю или племянника⁷. Наблю-

⁴ СІЛ, VI, 10299, реставрация и комментарий Моммзена. Мало удачный, но в методическом отношении показательный анализ состава сонаследников Тацита — E. Koestermann, Tacitus und die Transpadana, «Athenaeum», 43 (1965), 1—2, стр. 192 слл.

⁵ Г. О. Винокур, Биография и культура, М., 1927; Ю. Н. Тынянов, Как мы пишем, в кн. «Юрий Тынянов. Писатель и ученый», М., 1966; Л. Я. Гинзбург, О психологической прозе, Л., 1971; Е. В. Шорохова, Социально-психологическое понимание личности, в кн. «Методологические проблемы социальной психологии», М., 1975; см. также доклады по проблеме «Биография и история» на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г.

⁶ Гинзбург, ук. соч., стр. 11.

⁷ Последняя точка зрения высказывалась в работах G. Andresen, Einleitung, в кн. P. Cornelius Tacitus, Ab excessu divi Augusti. Erklärt von K. Nip-

дения над латинской ономастикой этого периода, однако, показывают, что совпадение обоих имен у братьев, а тем более у дядей и племянников, довольно редко, у отцов же и старших сыновей регулярно. Соответственно мнение о том, что историк был сыном прокуратора, высказывается все чаще и постепенно становится преобладающим⁸. Оно подтверждается и косвенными данными. Тациту всю жизнь был присущ своеобразный выговор⁹, и это доказывает, что по крайней мере до 6—7-летнего возраста, когда окончательно закрепляются фонематические навыки, он жил в нелатиноязычной среде или в среде, пользовавшейся ненормативной латинской речью. Из районов, с которыми могла быть связана юность историка¹⁰, под такую характеристику не подходит ни один, кроме Белгии. Напротив того, акцент Тацита легко объясняется, если учесть условия существования в резиденции прокуратора Белгии Августе Тревиоров: в штате прокуратора преобладали местные уроженцы, и, несмотря на формальную обособленность, он был сотнями нитей связан и с разноязыкой солдатской массой, заполнявшей соседние германские провинции, и с белгскими племенами¹¹; дети римских администраторов, особенно маленькие, часто вызывали у людей, преобладавших в окружении римского савонника, очерствевших в насилии и вымогательстве, какую-то умиленную привязанность, и ребенок, вырастая, общался не в последнюю очередь с ними¹².

Связь Тацита с прокураторской средой не исчерпывалась происхождением и детскими впечатлениями. Происхождение и родина в древнем Риме во многом определяли окружение человека, его родство и связи, весь его путь. Из прокураторской семьи галльского происхождения были жена Тацита (Agr. 4, 1) и тесть, оказавший ему в начале его магистратской деятельности значительную помощь, прокураторами были люди, которые с большими или меньшими основаниями рассматриваются как его друзья¹³. В его сочинениях складывается определенный образ прокуратора, в котором, как обычно у Тацита¹⁴, соединены устойчивый литературный мотив и реальный жизненный материал. Отношение историка к тому или иному прокуратору может быть самым разным, часто отрицательным, но независимо от этого они обладают для него некоторыми устойчивыми чертами, образуя особую, стоящую вне сената знать нового

perdey — G. Andresen, 10. Aufl., B., 1904, стр. 5; F a b i a, ук. соч., стр. 201; Cornelius Tacitus, Annalen, Erläutert und mit einer Einleitung von E. Koestermann (далее — K o e s t e r m a n n, Annalenkommentar), Bd I, Heidelberg, 1963, стр. 11.

⁸ Fr. Vittinghoff, Zur Rede des Kaisers Claudius über die Aufnahme von «Galliern» in den römischen Senat, «Hermes», 82 (1954), стр. 371; R. S y m e, Tacitus on Gaul, «Latomus», 12 (1953), стр. 37; St. B o r z s á k, P. Cornelius Tacitus, Stuttgart, 1968 (= RE, SpIbd XI, s. v.), стб. 377.

⁹ P l i n., Ep. IX, 23, 2; cp. R. S y m e, Tacitus, vol. II, Oxford, 1958, стр. 619; K o e s t e r m a n n, Tacitus und die Transpadana, стр. 172.

¹⁰ В качестве таких районов в разное время рассматривались город Рим (E. K o r n e m a n n, Tacitus, Wiesbaden, 1947, стр. 17; E. C i a c i e r i, Tacito, 1941, стр. 47; G. M a r c h e s i, Tacito, 1944, стр. 9 сл.) и Северная Италия (J. A s b a c h, Römisches Kaisertum und Verfassung bis auf Trajan, 1896, стр. 128; C. E. F. C h i l v e r, Cisalpine Gaul, 1941, стр. 104, 105; K o e s t e r m a n n, Tacitus und die Transpadana).

¹¹ W. M e y e r s, L'administration de la province romaine de Belgique, Brugge, 1964, стр. 18 сл.; C. M. T e r n e s, La vie quotidienne en Rhénanie à l'époque Romaine en I—IV siècles, P., 1972.

¹² S u e t., Gai, 9; T a c., Ann. I, 40—44 и комментарий Кестермана к I, 41, 2 (Annalenkommentar).

¹³ С большими — ab epistulis Домициана, Нервы и Траяна Титиний Капитон (cp. E. P a r a t o r e, Tacito, Milano, 1951, стр. 232 сл.), с меньшими — прокуратор Гальбы и префект претория при Домициане Корнелий Фуск (cp. R. S y m e, The Colony of Cornelius Fuscus, AJPh, 58, 1937).

¹⁴ См. B. W a l k e r, The Annals of Tacitus, Manchester, 1952, раздел X, Type-characters in the Annals.

облика (Agr. 4). Тацит отмечает их особо тесную связь с правящим домом (Hist. III, 43), доверие императора (там же, I, 12, 1), враждебность к старой аристократии (Agr. 42, 1; Hist. IV, 50, 2; Ann. XIV, 38, 3). Главная отличительная особенность их состоит для Тацита в том, что они предпочитали реальную работу, исходящую из требований дня, почетной и во многом декоративной традиционной деятельности сенатора-магистрата (Hist. II, 86, 3; Ann. XVI, 17, 3). Характер и место этого образа в созданной Тацитом картине эпохи важны в нескольких отношениях.

Прежде всего, в нем нашел себе отражение реально существовавший и игравший все большую роль социально-психологический тип времени. В распространенном взгляде на прокураторов как на корыстных вымогателей и беспринципных клеветников императоров гипертрофирована лишь одна сторона дела¹⁵. Прокураторская администрация была внеэрадикационной и внесенатской — не магистратурой в собственном смысле слова. Поэтому прокураторами становились не по происхождению и не в очередь, а каждый раз за личные свойства — ум, хитрость, ловкость, трезвость взгляда, решительность. Назначению на прокураторскую должность обязательно предшествовала длительная служба в легионах, поначалу обычно солдатская. Как показывает просопографический материал, прокуратор в эту эпоху — почти всегда пожилой и заслуженный воин, умудренный жизненным и боевым опытом, доказавший недюжинную личную храбрость. Прокураторские должности в самом Риме были немногочисленны и составляли венец или этап карьеры. Служба «ведающего финансами» прокуратора была, как правило, службой провинциальной, вдали от Рима, принцепса и сената. В отличие от сенатских должностей прокуратура не была ограничена во времени и не предполагала регулярной смены *negotium* и *otium*, столь характерной для существования сенатской аристократии. То была жизнь, заполненная годами и десятилетиями (Ann. IV, 6, 3) осязаемого по результатам, реального и тяжелого труда без отдыха и срока.

Связь Тацита с этой средой и этим типом человека имела значение также и с точки зрения расстановки общественных сил в Риме Нерона и Флавиев. Компромиссный характер раннего принципата, возникшего как попытка примирения римской олигархии и новых социальных сил — рабовладельцев Италии и провинций, предполагал ориентацию на республиканские политические формы и традиционные специфически римские ценности, на консервативные группы, которым эти формы и ценности были близки и которые обеспечивали связь власти со старыми и еще очень прочными устоями общественной жизни и морали; в то же время в своей повседневной практике императоры поддерживали развивающиеся слои, враждебные Риму сената и аристократии и в описанных условиях неизбежно выступавшие как разрушители традиционно-римских общественных норм. В структуре раннего принципата Рим, его прошлое и по-старинному понятый общественный интерес оказывались как бы противопоставленными от них же неотделимым силам внеримской, общеимперской новизны. Авансцена политической жизни I в. заполнена столкновениями консервативных сил, за которыми стояли традиции и нравственные представления, необходимые принципату, с одной стороны, и неприемлемые для него — с другой, с силами антитрадиционными, за которыми не было

¹⁵ Нижеследующий анализ основан главным образом на данных о финансовых прокураторах, хотя прокураторы-наместники и прокураторы в имперской администрации, насколько можно судить, принадлежали в общем к тому же типу человека. Ср. O. Hirschfeld, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diokletian*, 2. neubearb. Ausgabe, B., 1905, стр. 410—455; H.-G. Pfum, *Essai sur les procureurs équestres sous le Haut-Empire Romain*. Thèse principale, P., 1950, стр. 161 слл.

старинных общественных устоев, по было поступательное развитие империи и которые были для принцев столь же необходимы и столь же неприемлемы, что и их противники.

В силу этих причин принцы с самого начала стремились представить свою власть в виде синтеза римской старины и провинциальной новизны, прежних традиций и новых людей, консервативной морали и энергии развития. Укреплению и распространению этой идеи служили такие постоянно акцентируемые официальной пропагандой понятия, как *res publica* или *libertas*¹⁶, но прежде всего *virtus*, смысл которой искони состоял именно в соединении энергии личности, ее самодеятельности, способности к инициативе, со служением обществу в его исторической данности, с верностью его традициям, защитой его древних устоев¹⁷. Понятия эти в какой-то мере представляли собой пропагандистские фикции¹⁸, но до тех пор, пока принципат сохранял свой компромиссный, двойственный характер, они обладали также определенной реальностью и были эффективным средством укрепления веры в режим, особенно в провинциях и в армии. Однако по мере развития и углубления противоречий, заложенных в созданном Августом строе, сближение их полюсов становилось все менее возможным. Соприсутствие в атмосфере времени республиканского прошлого принципата и его монархического будущего создавало в господствующих слоях общества острый и нарастающий политико-моральный кризис, так как практическая деятельность по укреплению режима в ряде случаев выступала как измена издавна сложившимся и непреложным общественным устоям, как аморальность и хищный эгоизм, а верность этим устоям — как растворение в традиции, сопротивление живым силам истории и общественная пассивность. Это превращало сенат в арену исторически бесперспективной борьбы «оппозиции» с *delatores* и делало настоятельно необходимым и естественным формирование некоторой «третьей силы» — людей, способных ориентироваться не на временные, связанные с ее происхождением, противоречия империи, а на ее существо и историческую перспективу, состоявшую в создании единой державы; людей, предпочитавших командовать армиями, налаживать жизнь в провинциях, укреплять границы, вместо того чтобы в роли преследователя или жертвы сидеть в курии. Такая сила складывалась, такие люди находились, и хотя они не столько синтезировали разнородные начала Августова принципата, сколько выражали освобождение от этих начал и внутреннюю перестройку всей системы, императоры видели в них здоровое ядро своего строя, поддерживали и выдвигали их. Эту «третью силу» образовывали многие *viri militares*, префекты Рима, некоторые члены *consilium principis*, но основу ее составляли, конечно, прокураторы^{18а}. Итак, вследствие своего социального происхождения Тацит уже при вступлении в жизнь оказывался соотнесенным с некоторой актуальной общественной позицией.

¹⁶ Ch. W i r s z u b s k i, *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*, Camb., 1950, стр. 125 слл.

¹⁷ L u c i l., *Fragm. incert.* I, 8—12, ed. Corpet; C i c., *De Or.* II, 84; *Lael. passim*; L i v., XLII, 34. Ср. С. Л. У т ч е н к о, Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики, М., 1952, стр. 56.

¹⁸ R. S u m e, *Roman Revolution*, Oxf., 1939, стр. 311 слл.

^{18а} Доказательством и иллюстрацией может служить хотя бы следующая надпись. ILS, 9200: «Гаю Велию, сыну Сальвия, Руфу, примипиларию XII Молниеносного легиона, префекту отдельных отрядов в девяти легионах — I Вспомогательном, II Вспомогательном, II Августовом, VIII Августовом, IX Испанском, XIV Сдвоенном, XX Победоносном, XXI Стремительном (в надписи перечислено только восемь легионов. — Г. К.); трибуну XIII городской когорты; командующему войсками Африки и Мавритании, направленными на подавление населяющих Мавританию племен; удо-

Лежащее в ее основе представление о том, что человек реализует себя в служении государству, воплощенному в принце, что это служение предполагает способности, опыт, трезвое отношение к жизни и деятельную энергию, что оно несводимо к придворным и сенатским интригам и потому обладает самостоятельным положительным содержанием, было, таким образом, задано будущему историку изначально — его происхождением, семьей, условиями формирования личности. Позже в своих сочинениях он воспринимал этот унаследованный от семейного окружения строй мыслей, чувств и общественных реакций как характеристику не столько определенной политической группы или разновидности карьеры, сколько типа человека и поведения. Для характеристики его используется относительно устойчивый круг лексики, в центре которого находятся слова *industria*, *vigor*, *vigilantia* и их синонимы; особенно показательно первое из них. В языке эпохи оно связывалось с *virtus*¹⁹, но с характерным смещением акцентов — в традиционном представлении о римской доблести оно подчеркивало момент выдержки и спокойного упорства, описывало ее как форму повседневною поведения и труда, скорее чем героического деяния: *quae (sc. industria) cum sit perfectissima virtus, duramento sui confirmatur* (Val. Max., VIII, 7, pr., ed. Halm). Им Тацит пользуется для характеристики людей, предпочитающих реальное дело политической сло-

стоенному от императора Веспасиана и императора Тита за участие в Иудейской войне венком за взятие вала, шейными и нагрудными знаками отличия, почетным запястьем, а также венком за взятие крепостной стены, двумя почетными копьями и двумя вымпелами и, кроме того, за войну с маркоманами, квадами и сарматами, на которых он ходил походом через земли Декебала, царя даков, венком за взятие крепостной стены, двумя копьями и двумя вымпелами; прокуратору императора Цезаря Августа Германика (Домициан; имя опущено в связи с *damnatio memoriae*. — Г. К.) в провинции Паннонии и Далмации, также прокуратору провинции Реции с правом военного командования. Посланный в Парфию, он привел к императору Веспасиану сыновей царя Антиоха, Эпифана и Каллиника, с великим множеством подданных. Марк Алфий, сын Марка, из Фабиевой трибы, олимпийский знаменосец (*olympiacus aquilifer*), ветеран XX Аполлонова легиона». В этой биографии прежде всего обращает на себя внимание длительность и напряженность боевой службы в легионах. Руф был примиплярием еще до Иудейской войны, должность же эта присваивалась за особые заслуги и храбрость лишь самым опытным центурионам; он начал службу, другими словами, самое позднее в начале правления Нерона. Поход Домициана против маркоманов и квадов, относящийся к 89 г., еще застаёт Руфа в армии, где он провел, следовательно, более тридцати лет. За эти годы он проявил себя не только как храбрый командир, но и как человек, умеющий ориентироваться в политической ситуации и принимать самостоятельные решения, исходя из общих задач в данной области. Об этом говорит и специализация его на командовании «вексилляциями» — отдельными отрядами, нередко выводившимися из состава легиона и выполнявшими особые задания, и то, что ему, младшему офицеру, поручили командовать самостоятельной экспедицией против мавританских племен. Практически вся служба Руфа протекает в провинциях и на границах; с Римом, где он лишь некоторое время командует когортой городской стражи, он почти не связан, с сенатом не связан совсем. Неудивительно поэтому, что столичные и придворные события — заговоры, репрессии, смены императоров и династий — никак не отражаются на его карьере и характере деятельности. Он получает звание примиплярия при Нероне, боевые награды — от первых Флавиев и, по всему судя, от кого-то из императоров 69 г., прокуратуру — от Домициана. Прокуратура имела иерархические ступени, как и армия. Опытный военачальник, инициативный администратор, чуждый политическим котериям, Руф, видимо, настолько успешно ведал финансами Паннонии и Далмации, что Домициан уже через несколько лет переводит его на прокураторскую должность, сопряженную с *ius gladii*, т. е. фактически приравнивает этого солдата к магистратам.

Подобные надписи, подтверждающие изложенный выше взгляд, нередки. Некоторые из них приведены в диссертации Пфлаума (см. прим. 15) — *Thèse complémentaire*, P., 1960, t. I, особенно №№ 17 и 32. Показательно также *cursus* Альпина Классидана (*The Antiquaries Journal*, XVI, 1936, № 1, стр. 1—7), а из людей того же типа среди сенаторов — Плавтия Сильвана Элиана (*ILS*, 986).

¹⁹ Как явствует из всего материала, собранного в разделе «De studio et industria» в книге Валерия Максима «О достопамятных делах и изречениях» (VIII, 7).

вешности²⁰, и именно *industria* противопоставляет их либо легкомысленным и недобросовестным правителям и их безответственным клеветам (Hist. II, 95, 2), либо неспособным понять требования жизни оппозиционером. «И да будет ведомо тем, у кого в обычае восторгаться недозволенной дерзостью по отношению к наделенным верховной властью, что и при дурных принципах могут существовать выдающиеся мужи (*posse etiam sub malis principibus magnos viros esse*) и что послушание и скромность, если они сочетаются с трудолюбием и энергией (*si industria ac vigor adsint*), достойны не меньшей славы, чем та, которую многие снискали решительностью своего поведения и своей впечатляющей, но бесполезной для государства смертью» (Tac., Agr. 42, пер. А. С. Бобовича). *Industria ac vigor* — здесь своего рода формула, вобравшая в себя все главное в характеристике Агриколы — человека, с одной стороны, близкого Тациту и безусловно им уважаемого, с другой — выходца из прокураторской среды и носителя многих ее типических черт²¹.

Слово *industria* и некоторые другие, с ним обычно ассоциирующиеся, на всем протяжении творчества Тацита в общем сохраняют значение, очерченное выше. В пределах его, однако, с течением времени происходят некоторые на первый взгляд малоприметные сдвиги. Если в «Агриколе» служение принципату безусловно выступает как высшая жизненная задача, и *industria ac vigor* столь же безусловно делают такого слугу императорского Рима *magnus vir*, то уже в «Истории» кое-где намечается раздвоение: *L. Vitellio quamvis infami inerat industria* (III, 77, 4). Чем дальше, тем чаще сквозит мысль, что *industria, vigilantia, vigor* могли, по-видимому, менять свой смысл в зависимости от характера власти, на службе которой они использовались: в «Анналах» в перечне свойств Сеяна на последнем, ударном, месте, после выносливости, скрытности, властолюбия стоят *industria ac vigilantia, haud minus noxiae quotiens parando regno finguntur* (Ann. IV, 1, 3). Но в самом начале предстоявшего Тациту поприща все это было еще так далеко. Человек вступает в сознательную жизнь с понятиями и убеждениями, заложенными в нем семьей и кругом. Люди «третьей силы», среди которых Тацит сформировался, чаще всего не могли, а насколько можно судить, и не пытались, осмыслить собственное положение и роль в рамках философии римской истории, создать свое особое целостное теоретическое мировоззрение. Их аксиология существовала на уровне не самосознания, а поведения — основанного на наборе определенных навыков и «практическом разуме». Под их влиянием Тацит выходил в путь с уверенностью, что жить достойно — значит служить, *cum industria ac vigore*.

2. Тацит при Флавиях и Нерве. *Cursus honorum*

Оценка сенаторского *cursus*'а во многом зависит от соответствия той или иной магистратуры возрасту лица, ее занимавшего: чтобы понять, каким был *cursus* Тацита, надо установить, когда он родился. Исходные данные для решения этой задачи заключены во фразе Agr. 9,6: *consul...*

²⁰ ... *Ducebat* (sc. *legionem*) *Pompeius Silvanus consularis: vis consiliorum penes Annium Bassum legionis legatum. is Silvanum socordem bello et dies rerum verbis terentem specie obsequii regebat, ad omniaque, quae agenda forent, queta cum industria aderat* (Hist. III, 50, 2).

²¹ Смысловое поле слова *industria* в языке Тацита явствует из его антонимов: *licentia* (Hist. II, 5, 2), *socordia* (Ann. II, 38, 3), *somnium, ignavia* (Ann. XVI, 18, 1) и еще определеннее — из тех понятий, которые для Тацита однородны с *industria*: *iustitia atque industria* (Ann. XVI, 23, 1), *probitas aut industria* (Hist. II, 95, 2), *industriam temperantiamque suam laudibus attolens* (Hist. II, 90, 1), *industria ac vigilantia* (Ann. IV, 1, 3). Для значения *vigor* наиболее характерны контексты: Germ. 30, 2; Hist. I. 87,2; II, 4, 4 и 30,2; Ann. III, 30,3.

filiam iuveni mihi despondit. Слово *iuvenis* претерпевает в сочинениях Тацита сложную смысловую эволюцию, но возрастное его значение никогда не было для историка основным²². Главное в его семантике — представление о человеке, стоящем на пороге общественной деятельности, но не обладающем всей полнотой сил, прав и обязанностей самостоятельного гражданина. Смысловая доминанта его становится очевидной в контекстах, вроде следующих: *iuvenes iam et forum ingressuri* (Dial. 33, 4); *iuvenis ille qui foro et eloquentiae parabatur* (34, 1). Приведенная фраза Agr. 9,6 означает, что в пору консульства Юлия Агриколы, т. е. в 77 г., Тацит был готов к прохождению *cursus honorum* и, очевидно, вступил на него в следующем же 78 г. Начальные этапы *cursus*'а составляли, как известно, *вигинтивират* и (или?) военный трибунат, нормальным возрастом для занятия которых было 20 лет от роду. Тацит, другими словами, должен был родиться около 58 г. н. э. Ряд данных подтверждает это предположение.

Тацит получил от Веспасиана *latus clavus* (см. ниже). Этой почести юноша удостоивался обычно при вступлении в совершеннолетие, т. е. на шестнадцатом году жизни (Suet., *Vesp.* 2,2), Веспасиан же занимался пополнением сената главным образом во время своего цезарства 73/74 г. Годом рождения будущего историка и по этим соображениям должен был быть 58 или 57. Плиний (Ер. VII, 20) свидетельствует, что в пору его подготовки к деятельности на форуме Тацит уже пользовался широкой известностью как судебный оратор и что они оба «примерно одного возраста». Плиний, родившийся в 62 г., мог находиться в описанном здесь положении лишь между 79 и 81 гг., т. е. уже совершеннолетним, но до отъезда в армию. Тациту в это время было 23 или 24 года: он успел жениться и пройти одну, если не обе «предмагистратуры», т. е. не мог быть моложе 23 лет, и ему не было еще 25, так как в этом возрасте человек становился квестором, членом сената и не мог рассматриваться как *rovesnik adolescentulus*'а. Просопографические параллели также указывают на то, что описанное Плинием положение молодого, быстро завоевывающего популярность оратора было характерно для людей, непосредственно готовившихся к квестуре, т. е. 23—24-летних²³. Еще одним путем мы снова приходим к тому, что Тацит родился в 57 или 58 г.

Анализ и характеристика сенатской карьеры Тацита неизменно основываются на сообщении его в «Истории» (I, 1, 3): «Не стану отрицать, что начало моему восхождению по пути почестей положил Веспасиан, Тит продолжил его, а Домициан вознес меня еще много выше». Фразу эту в настоящее время принято истолковывать так, что Веспасиан пожаловал сыну прокуратора сенатское достоинство, при Тите он стал квестором, при Домициане трибуном (или эдилом), жрецом-квиндецимвиром и претором²⁴. Предлог «а», стоящий в подлиннике перед именем каждого из

²² Им обозначаются 14-летние подростки (Ann. XII, 25, 1), юноши 18 лет (Hist. III, 70 — *vix ruber*), мужчины — 30 (там же, II, 77, 1) и даже 36-летний консулярный (Ann. I, 4, 4).

²³ Перспективы и темп сенатской карьеры во многом определялись тем, чего человек успел добиться до квестуры, так как от этого зависело назначение его на первую сенатскую должность в порядке *commendatio principis*. Ср. *cursus*'ы Плавтия Сильвана Элиана (ILS, 986), Домиция Тулла (ILS, 991), Плиния Секунда (ILS, 2927), ср. также P l i n., Ер., II, 9 и мн. др. Поэтому как раз в этом возрасте начинающий политик стремился действовать особенно быстро и энергично, подчас не стесняясь в средствах, как Аквиллий Перул (Т а с., Hist. IV, 42), или Элий Адриан (SHA, Hadr. 2, 6).

²⁴ M. L. G o r d o n, *The Patria of Tacitus*, JRS, XXVI (1936), стр. 145; P a r a t o r e, ук. соч., стр. 71; S y m e, *Tacitus*, II, стр. 63 сл.; K o e s t e r m a n n, *Annalenkommentar*, стр. 11; R. H a n s l i k, *Die Aemterlaufbahn des Tacitus im Lichte der Aemterlaufbahn seiner Zeitgenossen*, «Anzeiger der österreichischen Akad. d. Wiss.», phil.-hist. Kl. Jg. 102 (1965), № 4, Wien, 1966, стр. 48.

императоров, указывает, по-видимому, на то, что Тацит занимал эти магистратуры в порядке *commendatio principis*²⁵. Вместе с упоминавшимися выше «предмагистратурами», с бесспорно засвидетельствованными консулатом в 97 г. (Plin., Ep. II, 1,6) и проконсулатом Азии в 112/113 г.²⁶ они и образуют сенаторский *cursus* Корнелия Тацита. В нем есть этапы, о которых не известно решительно ничего — военный трибунал, квестура, должности между квестурой и претурой — и тут нет материала даже для самых дерзких гипотез; четыре его этапа, однако, — *adlectio*, претура, консулат, проконсульство — могут быть охарактеризованы на основании прямых и косвенных данных.

Флавия Веспасиана провозгласили императором восточные легионы, и власть его на первых порах была лишена всякой юридической и моральной санкции или опоры в общественном мнении. Чтобы справиться с этим положением, он провел множество меропрятий, в ряду которых стояла и его цензура. Он отправлял ее вместе с Титом, и цель ее состояла в создании в сенате крепкого ядра сторонников Флавиев. Веспасиан включил в число сенаторов несколько десятков человек, которые активно содействовали установлению его власти, а главное, могли и должны были содействовать укреплению ее в будущем. Тацит оказался в их числе. Веспасиан брал этих людей в сенат потому, что они обнаружили в сложных условиях 69—70 гг. политическое чутье и опыт, энергию и способности, и брал их для того, чтобы тут же использовать на самых ответственных государственных должностях. Соответственно это были, как правило, немолодые, заслуженные администраторы и солдаты, введенные в сенат сразу квесториями или даже преториями (Eck, стр. 103—106). Попав в курию в эти годы, Тацит оказался соотнесенным с этой группой, что было для совсем молодого человека особой честью и, как показало будущее, залогом блестящей карьеры. Многие из них позже неоднократно мелькают в его биографии и сочинениях — Бебий Масса сыграл решающую роль в процессах 93 года, произведших на Тацита столь глубокое впечатление (Agr. 2, 1) и охарактеризован в «Истории» (IV, 50) так, что ясно чувствуется, насколько долго и внимательно историк следил за его деятельностью; с Сальвием Либералом судьба столкнула Тацита в 100 г. на процессе Мария Приска; Яволен Приск — близкий знакомый Плиния, друга Тацита (Plin., Ep. II, 13), Цельз Полемеан и Юлий Квадрат связаны с проконсулатом Тацита в Азии и т. д. Они хорошо знали друга друга, шли по жизни бок о бок, и их группа²⁷, где каждый все время находился в поле зрения другого, убеждала любого из своих членов в том, что жизнь в сенате строится вокруг тех основных типов времени, о которых шла речь выше. Здесь был, например, только что упомянутый Бебий Масса — из прокураторов Африки, но миновавший, скорее всего, службу в легионах, так как происходил из отпущенников (Schol. Juv. I, 35), полусобутыльник-полусут Нерона (там же), убийца (Tac., Hist. IV, 50) и вымогатель (Plin., Ep. VI, 29, 8). И здесь же был, например, Корнут Тертулл, занимавший при Веспасиане две второстепенных магистратуры и ни одной при Тите и Домициане, так как оба они не доверяли ему из-за его связей со стоической оппозицией (Plin., Ep. IX, 13, 15—16). Большинство, однако (по крайней мере, среди тех, чей *cursus* и об-

²⁵ F a b i a, ук. соч., стр. 197; P a r a t o r e, ук. соч., стр. 71.

²⁶ «Bulletin Hellénique», XIV (1890), стр. 621; W. E c k, *Senatoren von Vespasian bis Hadrian*, München, 1970 (далее — Eck), стр. 82—83.

²⁷ Ниже она рассматривается без разделения на тех, кто был введен Веспасианом в сенат в 69/70 г. (T a c., Hist. II, 82, 2) и на *adlecti* 73/74 г. Для такой дифференциации нет данных, и для биографии Тацита она не имеет значения — и одни и другие отбирались по тем же критериям и были призваны сыграть в сенате ту же роль.

щественная позиция хоть как-то нам известны), принадлежало к типу людей, которых мы условились называть «третьей силой». Примеры здесь многочисленны. Один из самых ярких — Яволен Приск (см. ILS 1015; Plin. Ep. VI, 15, ср. IX, 22; Dig. I, 2, 2, 53). С момента появления в курии, таким образом, перед будущим историком открывался выбор, но выбор в пределах политической и социально-психологической системы, господствовавшей в римском сенате в эпоху последних Юлиев-Клавдиев и Флавиев.

Источником наших знаний о претуре Тацита является его сообщение в *Анналах* (XI, 11, 1): «Домициан также дал Столетние игры, и в них я принимал особенно деятельное участие (*iisque intentius adfui*), так как был жрецом-квиндецимвиром, а в ту пору еще и претором (*ac tunc praetor*); говорю об этом не ради похвалы, но потому, что эта обязанность издревле возлагалась на квиндецимвиров, а отправлением торжественных обрядов занимались преимущественно те из них, кто был и магистратом». В этой фразе заключено больше сведений, чем кажется на первый взгляд.

Из нее явствует, во-первых, что и на этом этапе *cursus* Тацита продолжал протекать на очень высоком уровне. «*Tunc*» имеет преимущественно аддитивный смысл, и формулировка *ac tunc praetor* означает, что Тацит стал претором, уже будучи квиндецимвиром, т. е. получил жреческое достоинство еще квесторием или трибунием. Первый сенатор в роде, сын прокуратора, не достигший и 30 лет, сделался членом одной из самых важных жреческих коллегий: квиндецимвирами в разное время были Август, Нерон, Вителлий, Домициан; жрецы этой коллегии занимали самые высокие посты в имперской администрации (*Stat., Silv. V, 3, 178—194*); в надписях принадлежность к квиндецимвирату отмечается сразу после консульства (*CRAI, 1949, стр. 298—302; ILS, 1040* и др.). Назначение Тацита претором тоже было необычным и тоже говорило об особом его положении среди сенаторов. Столетние игры, грандиозные по масштабу и сложные по организации, вполне очевидно планировались заранее. Столь же очевидным был издавна существовавший порядок, согласно которому устройство религиозных празднеств входило в обязанности городского претора²⁸, а отправление обрядов на этих празднествах — в обязанности квиндецимвиров (*Liv., X, 8, 2*). Избрание квиндецимвира Тацита *tunc* претором было равносильно поэтому назначению его руководителем центрального пропагандистского мероприятия Домицианова правления. Столетние игры длились трое суток, включали не только дневные, но и ночные церемонии, и Домициан физически не мог проводить их все сам. Тацит, квиндецимвир-претор, должен был, следовательно, выступать на них как ближайший коллега и заместитель принцепса²⁹.

Разбираемый текст показывает также, что вся эта столь удачно складывавшаяся карьера была для Тацита желанной и справедливой наградой за правильно сделанный выбор — за истовое служение государству, воплощенному в принцепсе. *Domitianus edidit ludos saeculares iisque intentius adfui*. В языке Тацита «*intentus*» означает «деятельный в результате напряженной, волевой и страстной внутренней активности», абсолютно употребленный компаратив — необычно высокую степень качества; глагол *adsum* — не только «присутствовать» и «участвовать», но и «помогать», «принимать заинтересованное участие», «защищать перед судом». Чисто смысловой перевод цитированной фразы будет: «Домициан дал

²⁸ Th. Mommsen, *Römisches Staatsrecht*, 3. Aufl., Bd II, 1. Abt., Lpz., 1887, стр. 237.

²⁹ В отличие от Августа Домициан как квиндецимвир при проведении Столетних игр промагистров не имел. См. G. Radke, *Quindecimviri*, RE, Supplbd. IX, 1963, стб. 1131—1132.

Столетние игры, и я со всем внутренним пылом принял в них необычно, особенно, деятельное участие». Такое участие и много лет спустя, когда создавались «Анналы», казалось Тациту заслуживающим законной гордости — он специально оговаривается, что упоминает о нем «не ради похвалы», а лишь следуя долгу историка. Важная параллель к этой самооценке содержится в приводившемся выше тексте Hist. I, 1, 3. Говоря здесь о своем восхождении по ступеням *cursus*'а, Тацит обозначает его словом *dignitas*. Существительное это не имеет в его словаре смысла «карьера», «почести»³⁰, а передает представление о высоком общественном достоинстве, сопряженном с определенными традициями жизни и поведения: *dignitas senatoria* (Ann. XVI, 17, 1), *dignitas vitae* (Dial. 13, 3), *rerum* (Dial. 30, 5), *formae* (Ann. XI, 28, 1), *dignitas rei publicae* (Hist. I, 77, 1). Тацит считал, другими словами, что Флавию и, прежде всего, Домициан не просто продвинули его по службе, а поставили на высокую и почетную ступень римской общественной жизни, государственности и славы и что за это он должен был служить им *intentius* — выражая в этом служении не только свои способности и энергию, но и определенную нравственную позицию. Политика Домициана и характер официальных обязанностей Тацита до поры давали основания для такого взгляда.

Сколько бы Домициан ни враждовал с сенатом, сколько бы ни эллинизировал формы своего правления, у него, в отличие от императоров Антонинов, было твердое убеждение, что укрепить режим и придать ему стабильность можно только, связав его с прошлым, с традиционными формами власти, со старинными, исконно римскими представлениями о благочестии и долге. Унаследованное от отца и брата, подобное убеждение находилось в остром и углубляющемся противоречии с личными свойствами принцепса и с объективными тенденциями развития мирового, все более эллинизирующегося государства. И тем не менее, вопреки собственным склонностям и темпераменту, еще более скрупулезно, чем оба первых Флавия, старался Домициан соблюдать сенатскую процедуру, издавать законы об укреплении нравственности, преследовать подлинные и мнимые ее нарушения, чтить религиозные обряды, карать *atque* *desidia*. Для консервативно живших и консервативно мыслящих выходцев из западных провинций, на которых все Флавию преимущественно и опирались, такая власть сливалась с представлением о традициях города-государства и римской старине.

Квиндецимвират был как нарочно создан, чтобы порождать и питать эти представления. Зародившийся при Тарквиниях (Gell., N. A. I, 19, 2; Dion. Hal., Ant. IV, 62), имевший целью узнавать волю богов и тем самым подчеркивавший особые отношения римлян с высшими силами (Liv., IV, 25, 3; VII, 6, 3), действовавший лишь по постановлению сената, т. е. выражавший исконное римское убеждение в подчиненности религии государственному делу, он, с одной стороны, уходил корнями в глубочайшую римскую древность, с другой, — изначально был связан с иноплеменными верованиями и культурами и представлял римскую традицию в аспекте ее восприимчивости к чужому, ее способности к духовной экспансии и постоянному самообновлению: Сивиллины книги, на которых квиндецимвиры строили свои прорицания, происходили с Востока и написаны были по-гречески (Dion. Hal., l. c.), греческими были обряды квиндецимвиров (Varr., L. l. VII. 99: *XV-viros Graece ritu sacra, non Romano, facere*), их официальная эмблема — треножник и дельфин (Serv., Ad Aen. III. 332)³¹, роль, отводившаяся в их деятельности Аполлону (Plut.,

³⁰ A. Gerber, A. Greef, *Lexicon Taciteum*, Hildesheim, 1962, s. v. *dignitas*.

³¹ В. М. Брабич, Об изображении эмблемы коллегии XV-vir'ов на монетах Византия, ВДИ, 1958, № 1, стр. 168 сл.

Cato Min. 4, 1). Именно они перенесли в столицу культ новых для Рима богов — этрусской Юноны (Liv., XXXII, 1, 17; XXVII, 37, 11; XXX, 12, 9) и Кибелы (Liv., XXII, 9, 10; Ovid., Fast. 337 слл.). Августу поэтому было нетрудно при реформировании коллегии отвести ей особую роль в обслуживании деифицированных представлений о мировой империи. Если в культе Рима и Августа или обожествленных императоров эта задача решалась в эллинистических формах, чуждых римской культуре и потому раздражавших консервативное общественное мнение, то в квиндецимвирате принцип империи выступал как проявление древних связей Рима и средиземноморского мира в целом при сохранении новым римским государством столь характерного для всей пропагандистской политики Августа, а затем и Флавиев, облика исконности и республиканской старины. Квиндецимвират поэтому и был одним из тех участков государственной жизни, где в первую очередь создавалось впечатление, что принципсам удалось осуществить единство римской традиции и мирового развития, нравственности и деятельности, что служба им — это *industria ac vigor*, отданные на укрепление исконных римских ценностей, т. е. в пределе — практическая, живая *virtus*, *virtus ipsa*. В преторский год Тацита этим надеждам был нанесен тяжелейший удар. 88 год стал переломным для Домициана и сената. И для многих сенаторов.

По всем самым выгодным для Домициана расчетам Столетние игры проходились на 93 г. Он, тем не менее, перенес их на 88, так как, очевидно, не мог ждать дольше. Конфликт между имперски-эллинистическими, чисто монархическими тенденциями режима и его консервативно-римской идеологической и моральной базой дошел до предела и требовал немедленного решения. Игры с их ритуальной римской архаикой, в которых в то же время ясно ощущался сильный восточно-греческий элемент, были последней крупного масштаба попыткой Домициана отстоять противоречивое единство Города и Империи как основу флавианской государственности. Сбыться его планам суждено не было. Игры состоялись в разгар лета, а осенью восстали четыре легиона Верхней Германии во главе с наместником провинции Антонию Сатурнином. О нем мало что известно, но, кажется, он был из людей, близких к власти, — приближенный Домициана, участник его распутных развлечений, на этой почве с ним и поссорившийся (Aug. Vict., Epit. de Caes. 11). Он был, однако, из старого сенатского рода, и хотя нет почти никаких оснований считать, что за Сатурнином стоял какой-то сенатский заговор, все, что было направлено против принцепса и его самодержавия, воспринималось в тех условиях только как выгодное сенату и исходящее от него. Восстание еще до прибытия Домициана в провинцию подавил наместник Нижней Германии Буций Лапий Максим. Первое, что он сделал, вступив в лагерь побежденных, было уничтожение архива Сатурнина (Dio Cass., 67, 11). Он, очевидно, понимал, что любое упоминание кого бы то ни было в документах, там хранившихся, ставило человека под удар и что таких людей, самых разных, могло быть очень много. Но Домициан не стал заботиться о юридических доказательствах — черта была перейдена, несовместимость его политики с целями и надеждами тех, кто окружал его в курии и даже на Палатине, стала отныне очевидной. Казни, неслыханные по размаху и жестокости, шли в Германии (Dio Cass., 67, 11), в Риме (Euseb. под 2105 г., т. е. между 1/X 88 г. и 30/IX 89 г.) и в провинциях (Suet., Dom. 10). В фастах 88 г. в двух нундиниях фигурирует лишь по одному суффекту — их коллеги, по-видимому, были казнены или сосланы до вступления в должность, либо неупоминаемы из-за *damnatio memoriae*. Репрессии ширились и переходили в демонстративное нарушение римских законов, традиций, благочестия. В 89 г. наместником сенатской провинции был

пазначен убивший сенатора-проконсула всадник-прокуратор (ILS, 1374), обозначение императора как Dominus и Deus входит в обиход города и двора (Mart., IX, 20, 2; 23, 3; ср. также IX, 1; 3; 18; 34 и др.), казнь великой весталки Корнелии, устроенная для демонстрации верности принцепса «древней чистоте нравов», обернулась грубым нарушением правовых и религиозных норм (Plin., Ep. IV, 14)³².

Моральный кодекс, основанный на *industria ac vigor*, обнаруживал теперь то внутреннее противоречие, которое объективно было заложено в нем с самого начала. Человеческая деятельность может быть практически эффективной и исторически действительной, если в ней реализуются энергия, талант и знания, направляемые убеждением в правоте своего дела, т. е. в конечном итоге, если в ней реализуется нравственный потенциал личности. Основой его для людей «третьей силы», с их культом практической работы на пользу государства, на протяжении многих лет было убеждение в том, что принцепсы в своей политике успешно объединяют строительство мировой империи и верность общественным устоям, сложившимся в ходе истории Рима, и императоры сознательно поддерживали это убеждение³³. В основе его, однако, лежала иллюзия, так как развитие империи постепенно и неуклонно должно было разрушить полисную аксиологию, что и выявилось со всей очевидностью в последние годы Домициана. Исторический смысл этики *industria ac vigor*, ее будущее и ее истина, предполагали в тенденции упразднение самого противоречия между полисной моралью и потребностями мировой империи и должны были раскрыться поэтому лишь при Антонинах. Пока это противоречие существовало, т. е. на протяжении всей молодости Тацита, «третья позиция» была соотносительна с первыми двумя, образовывала с ними единую систему, что и делало возможным их соединение, некоторый средний путь. Таким соединением была жизнь многих людей этого типа, в том числе близких Тациту — не только Юлия Агриколы, но и Плиния Старшего, Вергиния Руфа, Титиния Капитона. Политика Домициана в 88—96 гг., направленная против старой системы общественных ценностей и в то же время сохранявшая за ней значение официально признанной нормы³⁴, делала это соединение теоретически утопическим и практически невозможным. Тацит-преготорий мог еще объяснить такое положение личными особенностями Домициана — *infensus virtutibus princeps* (Tac., Agr. 41, 1); Тациту-консуляру предстояло убедиться в том, что систему общественных норм и ценностей, противоречиво связанную с городом-государством, подрывали и уничтожали не столько Домициан, сколько объективный ход истории.

³² Ср. W. C. Mac Dermott, *Pliniana*, *AJPh*, XC (1969), № 3, стр. 332.

³³ Август «на выборах должностных лиц всякий раз обходил трибы со своими кандидатами и просил за них по старинному обычаю; имени „государь“. . . страшился как оскорбления и позора», «очень скупно жаловал римское гражданство» (Suet., Aug. 40, 3; 53, 1; 56, 1); Тиберий категорически запретил воздавать себе божеские почести (F. T a e g e r, *Charisma*, II, 1960, стр. 263); Клавдий на вопрос о том, готов ли он подчиниться решению сената, ответил, что считает себя «таким же гражданином, как все другие» (T a c., *Ann.* XII, 5, 2); Вителлий заявил, что каждый сенатор при обсуждении государственных дел может разойтись с ним во мнениях (T a c., *Hist.* II, 91, 3); Веспасиан в письме к сенату «упоминал о себе как о простом гражданине» (*Hist.* IV, 3, 4).

³⁴ Показательно, что в самый острый момент своей борьбы с сенатом Домициан называл на 90 г. двенадцать пар консулов. Ему важно было создать себе возможно больше сторонников, и он не мог найти для них более высокой и желанной награды, чем это старинное республиканское звание, которое сам же он демонстративно презирал (P l i n., *Rapeg.* 65) и которое сам же принимал чаще, чем любой другой император до него.

Тацит стал консулом в первый год династии Антонинов. Дата эта устанавливается на том основании, что в качестве консула он произносил надгробную речь над телом Вергиния Руфа, заболевшего в начале января 97 г. (Plin., Epp. II, 1) и умершего после «продолжительной» (longior, но не longissima) болезни — скорее всего, летом или осенью того же года³⁵. Отнесение консульского нундия Тацита на эту часть 97 года подтверждается и анализом фаст. Найденный в 1952 г. в Остии фрагмент их³⁶, в сопоставлении с косвенными данными³⁷ и по аналогии с фастами годов, которыми открывалось правление других императоров³⁸, дает возможность представить список консулов 97 г. в следующем виде: ординарии — Кокцей Нерва, Вергиний Руф (оба в третий раз); суффекты — Анний Вер и Нераций Приск, Домиций Аполлинар с неизвестным коллегой, Глитий Агрикола и Корнелий Тацит, Лициний Сура и Аррий Антонин (во второй раз)³⁹. Кто бы ни выдвигал этих сенаторов в консулы, еще Домициан или уже Нерва, окончательный список утверждался, как всегда, в январе⁴⁰, т. е. при Нерве. Фасты первого года новой династии представляли собой продуманную декларацию нового режима.

Две особенности отличают консулов 97 года. Первая — почти все они принадлежат к ведущим, ключевым государственно-политическим деятелям времени. Трое были прямо, биографически, связаны с верховной властью: Нерва был признан лучшим кандидатом на нее всеми политическими группами, подготовившими и осуществившими устранение Домициана (Dio Cass., 67, 15, 5); Вергинию ее дважды предлагали легионы, и он дважды от нее отказывался, что еще при жизни сделало его личностью почти легендарной⁴¹; из семьи Аррия Антонина вышел император Антонин Пий (SHA, Ant. 1, 4). В отличие от ординариев суффекты, непосредственно их сменившие, были молоды (оба около сорока) и знамениты как юристы. Их имена вошли в Дигесты (XIX, 2, 19, 2; XLVIII, 8, 6) и представляли направление деятельности нового режима, связанное с созданием кодифицированной системы римского права, которое день ото дня приобретало все большее значение. Один (Вер) стал впоследствии префектом Рима, другой (Приск) — официально признанным

³⁵ В письме Плиния говорится, что Вергиний, умирая, покинул принцепса incolumem optimum atque amicissimum. Речь идет о Нерве, как явствует из слова amicissimus, которое вряд ли можно отнести к отношениям Руфа с Траяном (если таковые вообще имелись), и из Dio Cass., 68, 2, 4. Между тем Нерва мог быть назван incolumis только до октября 97 г. (см. ниже, а также P l i n., Paneg. 6). Кроме того, консульство anno suo или с небольшим опережением соответствует общему характеру cursus'a Тацита. Это делает отнесение его консульства ко второй половине 97 г. общепризнанным и заставляет окончательно отказаться от предлагавшихся некогда более поздних датировок. См. U l r i c h s, De vita et honoribus Taciti, Würzburg, 1879, стр. 13; дополнительные указания на литературу и на старую полемику по этому вопросу: E. K l e b s, Das Consulatsjahr des Tacitus, «Rheinisches Museum für Philologie», NF, Bd 44 (1899).

³⁶ G. V a r b i e r i, Novi frammenti di Fasti Ostiensi, «Studi Romani», I (1953), № 4, стр. 365 сл.; A. D e g r a s s i, I fasti consolari dell' impero Romano dal 30 avanti Christo al 613 dopo Christo, Roma, 1952, стр. 288 (реп.: R. S y m e, JRS, 43 (1953), № 1—2, стр. 148 сл.).

³⁷ Dig. XXXVIII, 8, 6; A u r. V i c t., Epit. de Caes. 13, 6. Cp. A. G a r z e t t i, Nerviana, «Aevum», XXVII (1953), стр. 459; R. S y m e, The Consuls of A. D. 97: Ad-dendum, JRS, 44 (1954), стр. 81 сл.; A. N. S h e r w i n - W h i t e, The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary, Oxf., 1966, стр. 267.

³⁸ Прежде всего, с фастами 69 г. См. T a c., Hist. I, 77, 2 и комментарий к этому месту в русском переводе (Л., 1969).

³⁹ Весьма вероятно, что могла существовать еще и шестая пара.

⁴⁰ M o m m s e n, Römisches Staatsrecht, 3. Aufl., Bd I, Lpz, 1887, стр. 582 сл. Cp. P l i n., Epp. II, 11, 10; Paneg. 69 сл.

⁴¹ T a c., Hist. I, 8, 2; 9, 3; 52, 4; II, 51; P l i n., Ep. II, 1, 2; VI, 10, 3—4; S u e t., Nero 47, 1; D i o C a s s., 63, 25, 2—3.

крупнейшим юристом эпохи (ILS, 1034). Глитий Агрикола и Лициний Сура были *virī militares* — полководцами, обладавшими опытом и талантом, необходимыми для ведения военных действий значительного масштаба и решения неотделимых от них политико-дипломатических задач. Фасты 97 г. призваны были показать, что новый режим, объединяя в руководстве людей разных поколений, направлений и типов биографии, неизменно опирается на наиболее значительных и известных государственных деятелей. Тацит тем самым признавался одним из них⁴². Добросовестное и успешное служение государству продолжало оставаться ведущей чертой его жизни и деятельности.

Вторая особенность консулов 97 г. состояла в том, что среди них не было ни одного *delator'a*, но и ни одного человека, хоть отдаленно связанного с оппозицией; по характеру своей прежней деятельности при Нероне или Флавиях все они представляли различные вариации «третьей силы». В обеих первых, т. е. наиболее важных парах были объединены патриций, потомственный аристократ (Нерва, Приск) и *homo novus* (Вергиний Руф, Анний Вер). Конфликт между знатностью, ассоциировавшейся с представлением о республиканизме, и верностью принципату, соединявшейся с враждой к сенатским традициям, игравший на протяжении I в. первостепенную роль, объявлялся недействительным⁴³. Ординарные консулы были известны своей верностью принципсам и услугами, им оказанными: Нерва — при подавлении заговора Пизона (Tac., Ann. XV, 72, 1), при расхождении Флавиев с сенатом в 71 и 90 гг.⁴⁴, Вергиний — при устранении в 67 г. обвиненных в заговоре братьев Скрибониев и при подавлении в 68 г. восстания Виндекса. В то же время при Флавиях оба считались *personae non gratae* — Нерва был выслан в 94 г. из Рима⁴⁵, Вергиний все 27 лет их правления провел в добровольном удалении от дел. Первые суффекты были юристами, т. е. людьми, вполне практически работавшими над превращением провинций, подчиненных и потенциально враждебных Риму и римлянам, в единое упорядоченное римско-эллинистическое государство. Глитий Агрикола и Сура по самому типу своей биографии и деятельности стояли в стороне от борьбы сенатских группировок, были преданы если не самому принцепсу, то его делу, а главное, образу жизни, который он им предоставлял — походам, лагерям, посильной удаленности от сенатски-придворных интриг, осязаемости врага, непреложности воинских приказов — всем обычным преимуществам простых целей перед неясными. Оба прошли ускоренный *cursus*, после претуры командовали легионом, оба были заместителями Белгики, когда у принцепсов возникала необходимость особенно тщательно следить за германскими армиями и их командующими, и оба отличались обилием боевых наград. Тацит стоит в том же ряду — современники явно воспринимали его как человека «третьей силы».

На консульские месяцы Тацита приходится центральное событие правления Нервы — мятеж преторианцев⁴⁶. Он плохо освещен в источни-

⁴² Среди консулов 97 г. он был одним из самых молодых, т. е. перспективных, — примерно ровесник Вера, Приска и Суры, он был пятью годами моложе своего коллеги Глития Агриколы, чей *cursus* протекал ускоренно и на нарядкость высоком уровне.

⁴³ О том, что это был сознательно проводившийся курс первых Антонинов см. P i n., Paneg. 69.

⁴⁴ A. Garzetti, Nerva, Roma, 1950, стр. 23, 24.

⁴⁵ Philostr., Vita App. VII, 8; Dio Cass., 67, 15, 5—6; ср. ВДИ, 1972, № 3, стр. 34, 35.

⁴⁶ Исходя из того, что усыновление Траяна Нервой, явившееся последним актом борьбы принцепса с преторианцами, длившейся с перерывом два-три месяца, состоялось в конце октября.

ках⁴⁷, но, как можно судить, смысл событий и ход их сводятся к следующему. Преторианцы были разъярены убийством Домициана, увеличившего им жалование и вообще, видимо, пользовавшегося среди них популярностью. Кроме того, они вскоре поняли, чем грозит им политическая программа Нервы, предполагавшая постепенное сведение на нет вражды принцепса и сената, а тем самым сокращение роли террора и его орудия — преторианцев. Они поэтому легко поддались подстрекательствам своего префекта Касперия Элиана и летом 97 г. восстали, требуя казни убийц Домициана. Нерва ответил категорическим отказом, успокоил солдат донативом, но от всего пережитого заболел и вскоре, в сентябре или начале октября, мятеж поднялся вновь. Нерва был «осажден, захвачен в плен, ввергнут в заключение» (Plin., Paneg. 6) и под угрозой расправы вынужден выдать людей, непосредственно причастных к гибели последнего Флавия. Они подверглись жестоким истязаниям и были убиты чуть ли не у него на глазах. Ситуация стала критической; Нерва больше не контролировал положение; казалось, что он вот-вот отречется от престола. Однако в конце октября он ответил неожиданным усыновлением Траяна, стоявшего в это время во главе легионов Верхней Германии, и провел церемонию адаптации на Капитолии и в сенате. Акт этот, как и действия преторианцев, вызвал острый интерес и волнение римского плебса (Dio Cass., 68, 3). Несмотря на подчеркнутую легальность оформления, предпринятый Нервой шаг был чрезвычайным и вынужденным — Траян, по-видимому, об усыновлении ничего не знал. В письме престарелого принцепса, извещавшем его об этом, приводился стих Гомера: «Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими». Усыновление прошло гладко. Некоторое время спустя Траян вызвал к себе в Германию Касперия с приближенными и казнил их.

Значение этих событий в истории империи трудно переоценить. Несмотря на наемный характер армии и претория, пережиточное сознание единства войска и римского государства проявляется в поведении солдат на протяжении всего I в. Без него кучка трибунов и легатов не могла бы и дня просуществовать среди тысяч их окружавших и по своим интересам резко от них отличных вооруженных людей; отношения армии с командующим зависели не только от дележа добычи, но и от его *auctoritas*; в гражданских войнах I в. армия и преторий представляют каждый раз определенную политическую линию и ни разу, кажется, не обнаруживают чистого, наемнического, нигилизма; в решающую минуту император говорил преторианцам, что Рим стоит и все они живы до тех пор, пока сохраняется их единство с сенатом, и это действовало (Tac., Hist. I, 84, 4). Как и сам принципат, армия в I в. еще во многом строилась на соединении и компромиссе республиканских норм и имперской реальности. Мятеж 97 г. знаменовал конец этого положения. Впервые солдаты выказали все свое презрение и совокупную ненависть и к сенату, и к императору, и к государству в целом, а принцепс — все свое бессилие. Это был если не пролог к III веку, то первое отдаленное его предвестие.

Как консул Тацит был непосредственным свидетелем и участником событий. Ни в другое время в Риме, ни в армии или в провинциях в годы его магистратской службы не отмечаются сколько-нибудь заметные солдатские или народные волнения, и описания их, столь частые в его произведениях, столь детальные, яркие и личные, должны восходить к впечатлению, оставленному 97 годом. Оно было, по-видимому, громадным.

⁴⁷ Plin., Paneg. 6; Suet., Dom. 23, 4; Dio Cass., 68, 3, 3—4; Aur. Vict., De Caes. 12, 2; Epit. de Caes. 12, 6—8; M. Durr, Les cohortes prétorienne, P., 1938, стр. 378; Garzetti, Nerva, стр. 81 сл.

Насилия своевольной солдатни и бушевания городской толпы, при первой возможности сливающиеся в единую фантазмагорию легкомысленной и зверской жестокости, лишенные плана и цели, успокаивающиеся так же беспричинно, как вспыхивающие, проходят через все исторические сочинения Тацита и составляют их лейтмотив, навязчивый образ⁴⁸. События 97 г. делали окончательно ясным то, что предчувствовалось давно, начиная с 88—89 гг., — полный, последний распад в практической жизни, в повседневности и поведении того бледного, остаточного единства граждан и города-государства, которое воплощалось в формуле *res publica Romana*, распад, вызванный не действиями Домициана, а самой эволюцией империи.

Консулы 97 г., как мы видели, представляли в своей совокупности различные варианты «третьей силы». Она складывалась еще со времен Тиберия, но теперь прежний ее смысл — соединение веры в старую римскую систему ценностей и деятельности по укреплению принципата и империи — становился окончательно невозможным и исторически избыточным. Для коллег Тацита по консульству это означало упразднение обоих внутренне нераздельных полюсов былого противоречия, самой исторической ситуации, их порождавшей, и включение в службу принципату в его новой форме — принципату, которому вскоре предстояло защищать уже не Рим от империи и не империю от Рима, а весь синкретический греко-римский мир от сил, надвигавшихся на него извне. В новых условиях эти люди служат еще успешнее, энергично идут вперед, дальше и выше. Сура вскоре стал трижды консулом и фактическим соправителем Траяна⁴⁹, Нерация Траян прочил себе в преемники (SHA, *Nadr.* 4, 8); Анний Вер сделался трижды консулом и префектом Рима, Марк Аврелий, император, был его внуком; Глитий Агрикола кончил как дважды консул и префект Рима⁵⁰. Они не были исключениями, тот же путь проделывают в эти годы многие сенаторы (Еск, стр. 70—71). Тацит избрал другой путь, представлявший особую, уникальную эволюцию деятельности и, как показывают все его сочинения, сохранил исторически сложившееся представление о служении Городу, его сенату и народу, как о высшем и непреложном долге каждого *vir bonus*. Но теперь, после всего случившегося, реализоваться в простой и без рассуждений службе императору *cum industria ac vigore* это убеждение больше не могло.

3. При Траяне. Общий характер *cursus'a*. *Sine ira et studio*

Единственная бесспорно нам известная магистратура, которую Тацит занимал при Траяне, — это проконсулат Азии в 112/113 г.⁵¹ Распространенное представление о том, что назначение на эту магистратуру деликом

⁴⁸ Hist. I, 32, 1; 35, 1; 57, 1; 63; 80—82; II, 18—19; 28—29; 51, 1; 68; III, 10—11; 33; 74, 2; 84, 5—85; IV, 1; 24—26; 36, 2—37, 1—2; Ann. I, 19—24; 31—32; III, 14, 4—5; XII, 7, 1; 43, 1; XIII, 25, 4; 48; XIV, 17; XV, 46, 1. Cp. J.-M. Engel, *Tacite et l'étude du comportement collectif*. Thèse. . ., Lille, 1972.

⁴⁹ SHA, *Nadr.*, 3, 11; *Epit. de Caes.* 13, 6; CIL; VI, 1444 с дополнениями по CIL, II, 4282, 4508, 4536—4548.

⁵⁰ CIL, V, 6980 с дополнениями по V, 6974—6979 и 6981—6983.

⁵¹ Он засвидетельствован эпиграфически — сильно поврежденной надписью из Миласы в Карии, на которой, однако, слова *Κορνήγιω Ταχίτω* читаются совершенно ясно. Публикации: «Bulletin Hellénique», XIV (1890), стр. 621; OGIS (ed. W. Dittenberger), 1903—1905, стр. 487; полнее и тщательнее всего — в «Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts in Wien», XXVII (1932), Beiblatt, стб. 233—244. К датировке: A. J. S u s k i n, *The Date of Tacitus' Proconsulship*, AJA, XL (1936), стр. 71 сл.; S u m e, *Tacitus*, II, стр. 665. Полный список проконсулов за 109—117 гг. см. Еск.

зависело от возраста и жребия, а сам проконсулат был почетной синекурой⁵², для описываемой эпохи не соответствует действительности. Императоры контролировали назначения в эту важнейшую провинцию, во-первых, производя их иногда *extra sortem* (Тас., *Ann.* III, 32), во-вторых, допуская к жеребьевке без строгого учета возраста (Тас., *Agr.*, 42,1), в-третьих, выплачивая сенаторам, претендовавшим на проконсулат, но императорам нежелательным, отступную сумму в один миллион сестерциев (Dio Cass., LXXVIII, 22,5)⁵³. Чем ближе к началу II в., тем шире императоры пользовались этими возможностями, чтобы назначать в Азию особенно доверенных людей. При Флавиях здесь работали всесильный временщик Нерона и Веспасиана дважды консул Эприй Марцелл, Ульпий Траян — отец, Гирций Фронто Нераций Панса, в порядке экстраординарной магистратуры ведавший огромным комплексом малоазиатских провинций; при Траяне — земляк императора, лично близкий правящей группе (см. прим. 4) Дасумий Туск (проконсулат 106/107 г.); дважды консул Лолий Паулин Валерий Азиатик Сатурний (проконсулат 108/109 г.), связанный с императорами дружбой и родством; дважды консул Анций Юлий Квадрат, бывший легатом и наместником последовательно почти во всех провинциях Малой Азии (проконсулат 109/110 г.).

Такой состав проконсулов был обусловлен постепенным обострением положения на Востоке. Именно в эти годы правивший Парфией Пакор устанавливает связи с Декебалом (Plin., *Ep.* X, 74) и, кажется, с Юлием Савроматом, вассальным Риму царем Боспора Киммерийского⁵⁴. Это была не просто очередная дипломатическая комбинация. Коалиция, которая могла здесь сложиться, была для Рима опаснее германцев⁵⁵, и вслед за Траяном не один римский император отправится воевать на Восток, чтобы оттуда не вернуться — Макрин, Гордиан, Валериан, Аврелий Кар, Констанций, Юлиан. Поход Траяна был первым в этом ряду, и готовился он тщательно и заранее — по крайней мере со 111 г., когда сменивший Пакура Хосров отнял армянский престол у посаженного на него римлянами Экседара. Необходимой частью этой подготовки был проводившийся в течение нескольких лет ремонт дорог, ведущих к парфянской границе через провинцию Азия, которая составляла тыл и стратегическую базу замышлявшегося похода⁵⁶. На 111/112 г. наместником Азии становится Фабий Постумин — опытный политический и военный деятель, уже выполнявший (в 103 г. в качестве консульского легата Нижней Мезии) поручения по подготовке кампаний Траяна и обеспечению тылов его армий. Парфянский поход Траяна начался осенью 113 г.⁵⁷, и подготовка его должна была достичь своей самой напряженной фазы в 112 и начале 113 г. На этот-то период проконсулом Азии и назначается Корнелий Тацит. То было именно назначение и назначение персональное: Тацит явно не принадлежал к числу старейших в курии; оттянуть назначение сенатора, чье пребывание в должности проконсула Азии не пред-

⁵² V. C h a r o t, *La province romaine proconsulaire d'Asie*, P., 1904, стр. 288.

⁵³ Ср. CIL, IX, 5533 (между 102 и 105 гг.) = ILS, 1011.

⁵⁴ P l i n., *Ep.* X, 74. Ср. J. G u e y, *Essai sur la Guerre parthique de Trajan*, Bucharest, 1937, стр. 27. Возражения — F. A. L e p r e r, *Trajan's Parthian War*, Oxf., 1948, стр. 165 слл.

⁵⁵ Наиболее проникательные историки поняли это уже очень рано и считали, что именно с этой эпохи «Рим и Парфянское государство были две державы-соперницы, боровшиеся друг с другом не за господство, а за существование» (Ш. М о и т е с к ь е, *О духе законов*, XXI, 16).

⁵⁶ D. M a g i e, *Roman Rule in Asia Minor*, vol. I, Princeton, 1950, ch. 25.

⁵⁷ A r r., *Parth. frg.* 35; M a g i e, *ук. соч.*, стр. 606; de la B e r g e, *Essai sur le règne de Trajan*, P., 1877, стр. 155, 156.

ставлялось в данный момент необходимым, ничего не стоило⁵⁸; преимущества многодетности в данном случае не было⁵⁹. Просто для очень ответственного государственного поручения нужен был политический деятель, доказавший, что он способен с ним справиться. Тацит был таким деятелем.

Проконсулат Азии завершает известный нам cursus Корнелия Тацита. Если попытаться теперь определить его общий характер, обнаруживается, что в основе его лежит явное противоречие. С одной стороны, это cursus человека, рассматривающего государственную службу как дело своей жизни. Впечатление, будто продвижение римского сенатора происходило само собой и «никак не зависело от личных достоинств кандидатов»⁶⁰; основано на недоразумении. Сенаторов было 600, а квесторов — 20, преторов — 18, консулов — от 6 до 10, проконсулов сенатских провинций — 2. Лица, рекомендованные прицепсом, шли вне очереди⁶¹, отсев был громадным⁶², продвижение требовало богатства (Тас., Анн. XI, 22), связей (Plin., Ер. II, 9), способностей и, главное, несгибаемого упорства, энергии, веры в жизненную его необходимость. Для того же, чтобы не просто пройти полный cursus, а выдвинуться в число руководящих государственных деятелей, все это требовалось вдвойне и втройне. Тот факт, что почти на каждом этапе своей сенатской карьеры Тацит оказывался непосредственным участником решающих исторических событий, не может быть простой случайностью. Это положение требовало особого отношения императора, близости к нему, которой надо было добиться, предполагало принадлежность к узкому кругу лиц, практически себя зарекомендовавших, доверенных и проверенных. В разное время на протяжении своей жизни Тацит был коллегой или непосредственным сотрудником Домициана, Нервы, Траяна, Фабриция Вейентона, Юлия Фронтинана, Вергиния Руфа, Цельза Полемеана, Ливиния Суры, Глития Агриколы, Анния Вера, Яволена и Нерация Присков — самых *rauci et validi* (Тас., Hist. IV, 43, 2).

Но не менее очевидно и не менее важно также и другое. Из перечисленных только что двенадцати человек двое стали из сенаторов принципсами и еще двое в принципсы намечались, пятеро были трижды и один дважды консулами, двое — префектами Рима, пятеро — членами императорского совета, пятеро командовали группами армий, имена троих вошли в Дигесты. Вероятность того, что, Тацит был деятелем такого же масштаба и лишь случайно имя его не сохранилось в документах и исторических сочинениях, близка к нулю. Оно не сохранилось потому, что он не был деятелем такого масштаба. Не был, хотя явно мог им быть. Среди лиц, принятых одновременно с ним в сенат, одни, как Юлий Цельз Полемеан, уже в молодости выполняли чрезвычайные поручения в провинциях,

⁵⁸ Традиционный для этого времени 15-летний интервал между консульством и проконсульством мог растягиваться. Примерами могут служить Фульвий Гилон Битий Прокул, суффект 98 г., проконсул 115/116 или даже блестящий Юлий Ферокс, суффект 99 г., проконсул 116/117.

⁵⁹ О преимуществах и льготах при прохождении службы, связанных с наличием детей, см. Dig. IV, 4, 2, для данной эпохи — P l i n., Ер. VII, 16, 2: *ille me in tribunatu liberorum iure praecessit*, для данного частного случая — жеребьевки проконсульских сенатских провинций — D i o C a s s., 53, 13; F r o n t o, Epist. ad Ant. 8. По этому поводу в целом: S h a r o t, ук. соч., стр. 285 сл. Представление о том, что у Тацита детей не было, основано на Agr. 43, 4—5, где упоминание о детях, если бы они были, представлялось бы весьма уместным, почти необходимым.

⁶⁰ S. G s e l l, Essai sur le règne de l'empereur Domitien, P., 1893, стр. 36; ср. G a r z e t t i, ук. соч., стр. 25 слл.

⁶¹ CIL, VI, 1232 (Lex de imperio Vespasiani). См. «Хрестоматия по истории древнего мира», под ред. С. Л. Утченко, М., 1962, стр. 535.

⁶² R. S y m e, Pliny's Less Successful Friends, «Historia», IX (1960), № 3.

становились экспертами и советниками императора по целым районам империи, другие, как Анций Юлий Квадрат, присоединяли к подобной карьере еще и повторный консулат, третьи, как Яволен Приск, были одновременно полководцами, крупными администраторами и великими юристами, создателями системы римского права. Тацит не стал ни тем, ни другим, ни третьим. На следующем рубеже он тем не менее опять среди самых ярких и самых перспективных. Среди квиндецимвиров, его коллег, половина были уже консуляриями (Syme, Tacitus, II, app. 22), не меньше трети патрициями (Еск, стр. 33), в их число входили Юлий Фронтин и Фабриций Вейентон (оба трижды консулы), Ульпий Траян — отец. И снова дальнейшая карьера его идет вне явно обозначившегося русла — ни патрициата, ни вторичного консульства. Во время претуры и консулата, во время проконсульства, как мы видели, — то же положение и с теми же результатами. В магистратской карьере Тацита ясно обнаруживается противоречие между уровнем ответственности, которой его неизменно облачают, или лиц, которые его окружают на каждом этапе, и характером самого его *cursus'a* — ровного, очень успешного, очень «высокого», но лишённого того блеска и экстраординарности, которыми отмечен путь его коллег. Если бы это противоречие объяснялось неспособностью Тацита удержаться на уровне ответственности и окружения, ситуация не могла бы повторяться столь систематически — в 88, 97, 112 гг. Оно, по-видимому, может иметь лишь одно объяснение: государственная деятельность была для него формой реализации себя и безусловной жизненной ценностью, но не всего себя и не единственной ценностью.

Взгляд, согласно которому служба государству и служение *virtus* — одно и то же, тип биографии, в котором это тождество в меру сил воплощалось, были для Рима традиционны. «Все величие доблести заключено в деятельности...., — наставлял сына Цицерон (*De off.* I, 1, 19—20), — в справедливости, основанной на законах, преданность которой и делает человека настоящим гражданином». Император Август видел самую высокую оценку своей государственной деятельности в том, что сенат и римский народ признали его доблесть (RGDA 34). Место *virtus*, полагал Сенека (*De vita beata*, 7), на военной и государственной службе: «ты найдешь ее в храме, на форуме, в курии; покрывая пылью, с обветренными руками, стоит она на крепостных стенах». Люди, так думавшие и старавшиеся так жить, встречались и в позднейшее время — в том числе в непосредственном окружении Тацита. Неуклонно углублявшееся отчуждение римского государства, однако, и связанный с ним столь же неуклонный рост стоицизма, кинизма, прото- и раннехристианских умонастроений порождали и прямо противоположный тип мысли и поведения: духовная энергия не только не находила себе воплощения в государственной деятельности, а, наоборот, проявлялась в отказе от официально-престижных форм биографии. Сенатор Траезя Пет в знак морального протеста перестал в конце жизни посещать сенатские заседания; сенатор Геренний Сенецион, отслужив квестуру, уклонился от последующих магистратур; сенатор Флавий Клемент был близок к христианству и обвинялся в *inertia* по отношению к государственной службе. В них проявлялись черты духовного типа последующих эпох, ставшего ведущим после окончательного крушения во II в. староримской системы ценностей.

Разобранная в начале настоящих заметок политическая и психологическая ситуация в римском сенате и ее развитие на протяжении 70—90-х гг. порождали, однако, на рубеже I и II вв. и еще один тип поведения, занимающий в рамках описанного только что противоречия особое

место. Сенатор-консулярий Аррий Антонин, например, входил в группу «геронтократов», на которых опирался Нерва (Вестриций Спуринна, Вергиний Руф, Юлий Фронтин). Как и они все, он был активным и видным государственным деятелем, много отдавшим служению *rei publicae*. На известие об избрании Нервы принцепсом, однако, он ответил фразой, которая стала знаменитой: «Я поздравляю сенат, народ и провинции, но отнюдь не его самого» (*Epit. de Caes.* 12, 3; ср. *SHA, Pius*, 1,4). В ней содержалось признание достоинств Нервы как общественной фигуры, ответственности каждого такого деятеля перед государством, но одновременно и того, что человек не исчерпывается ни подобной деятельностью, ни подобной ответственностью. Так думал не он один. Принятый в сенат одновременно с Тацитом, консулярий Сальвий Либерал прожил бурную жизнь, целиком посвященную исполнению государственных обязанностей; в начале правления Траяна он был еще вполне бодр и активен, но именно в эти годы *sorte proco(n)s(ul) factus provinciae Asiae se excusavit* (*ILS*, 1011). Сравнительно недавно обнаруженная надпись (*AE*, 1950, № 66) показала, каким энергичным политиком и военным был в начале 90-х гг. и потом при Адриане корреспондент Плиния Бруттий Презент; но в промежутке, на протяжении более 20 лет, он находил для своей энергии другое применение и упорно избегал Рима и сената (*Plin.*, *Ep.* VII, 3). Такие примеры могут быть умножены. Речь в них идет о людях, не имеющих ничего общего со стоико-кипическим или протохристианским эскепизмом, но утративших также и старинную уверенность в том, что прямое участие в практической политике есть высшая, а главное, единственная достойная форма реализации себя как человека. Анализ магистратской карьеры Тацита обнаруживает определенную связь его с этим типом личности. Но занимает он среди подобных людей особое и неповторимое место. Понимание ограниченности непосредственно политического служения каждому данному принцепсу сочеталось в нем с верностью исходным ценностям собственной жизни, таким, как *industria ac vigor*, и историческим ценностям римского государства, таким, как *virtus*. Это сочетание привело его к представлению о том, что перед лицом этих ценностей наличные политические программы и группировки обнаруживают свою относительность и неполноценность, приводило, другими словами, к взгляду на пережитые годы и окружающее общество как бы с некоторого отступа — *sine ira et studio*. Выросший из всей биографии Тацита, из всего его *cursus honorum*, взгляд этот полностью сказался и в его общественном поведении при Траяне, и в его обращении к литературной деятельности, и в характере этой последней.

DISPUTED POINTS IN THE BIOGRAPHY OF TACITUS,
HIS *CURSUS HONORUM*

G. S. Knabe

The author attempts to sum up and clarify what is known of the *cursus honorum* of Tacitus and to relate the public career to the intellectual development of this senator-historian. It is accepted that Tacitus was born in A. D. 57 or 58 in Augusta Trevirorum and that his father was procurator of Belgica. Procurators, in the author's opinion, were a special socio-psychological breed, standing outside the battle between the senatorial opposition and the *delatores* and making their mark in the service of Rome *cum industria ac vigore* (*Tac.*, *Agr.* 42). Tacitus came from these circles and he entered on his *cursus honorum* with their standards of conduct in public affairs. Of the various steps in his career the author stops on the *adlectio*, the praetorship, the consulate and proconsulate, and

concludes that, contrary to widely held opinion, Tacitus passed through the *cursus* with distinction. But growing awareness of the animosity of the principate towards the old Roman values — especially towards *virtus*—and his own consciously adopted allegiance to those values gradually affected his attitude towards public service, giving the performance of his official duties a certain dual aspect. The *cursus* of Tacitus was very successful because it fully engaged the energies of a man who always regarded serving *rei publicae* as the highest duty, a man, too, whose more than ordinary capacity for self-control is so obvious as to be palpable: for he understood now that serving the principate and serving *virtus* were two different things.
